

ДЕТСТВО ГЕНИЯ

(о выдающихся людях, влиянии воспитания на становление характера будущего гения)

АГНИЯ БАРТО

Однажды детский поэт Агния Барто призналась, что во время выступления почему-то особенно сильно волнуется, если в зале сидит её дочь Татьяна.

Объяснение этому она неожиданно нашла в одном из писем Чехова: «Если бы он был неискренен, то первыми стали бы относиться к нему скептически дочери, так как дочери — те же воробьи: их на мякине не проведёшь... Невесту и любовницу можно надуть как угодно, и в глазах любимой женщины даже осёл представляется философом, но дочери — другое дело». «Атмосфера» попросила Татьяну Андреевну Щегляеву рассказать о своей знаменитой матери. Ведь кому, как не ей, эта удивительная женщина открывалась с самой сокровенной своей стороны.

– Татьяна Андреевна, в роду Агнии Львовны были люди творческих профессий? Откуда у неё такая тяга к литературе?

Татьяна Щегляева: «Мой дед, Лев Николаевич Волов, работал ветеринаром, любил животных. После института несколько лет жил в Сибири, там ему пришлось бороться с сапом — тяжёлой болезнью лошадей. Он был образованным человеком, очень ценил сочинения Льва Толстого, знал наизусть почти все басни Крылова, был главным слушателем и критиком стихов своей дочери. Мама Агнии Львовны, Мария Ильинична, была восьмым ребёнком в семье. Все старшие дети получили высшее образование, стали врачами, инженерами, адвокатами. Один из бабушкиных братьев, мамин дядя,

этому продиктовала такое обращение к нему — «кобель желтоухий». Агния знала, что письма обычно начинают со слова «дорогой», и написала: «Дорогой Кобель Желтоухий!» Она была уверена, что это имя кого-то из родственников няни... Пока была

был крупным специалистом в медицине — уже в то время умел лечить туберкулёз горла. Занимал должность главного врача санатория «Словати» в Ялте. Маленькой девочкой, будучи у него в гостях, мама написала: «В санатории «Словати» стоят белые кровати...» А вот бабушка не имела тяги к наукам и не захотела продолжить учёбу. Я очень хорошо помню её: остроумная, красивая женщина».

– Говорят, у Агнии Львовны была любимая няня, которая сильно повлияла на неё...

Татьяна: «Да, няня, Наталья Борисовна Родичева, была для мамы всю жизнь близким человеком. Грамотой она не владела, поэтому когда мама научилась писать, Наталья Борисовна попросила её написать письмо своей родне в деревню. Она была недовольна своим зятем, по-

жива Наталья Борисовна, мама всегда заботилась о ней. В книге «Записки детского поэта» есть очень тёплые воспоминания о няне».

– Когда Агния Львовна начала писать стихи?

Татьяна: «В раннем детстве, в первых классах гимназии. По её словам, она посвящала их главным образом влюблённым «розовым маркизам». Правда, постепенно влюблённых маркиз и пажей, населявших её тетради, оттесняли эпиграммы на учителей и подруг. Впрочем, тогда она серьёзно не задумывалась о том, чтобы стать поэтом. После гимназии мама поступила в хореографическое училище. На выпускные зачёты туда приехал нарком просвещения Луначарский. После зачётов учащиеся показывали концерт. Агния под музыку Шопена читала длинное сти-

хотворение «Похоронный марш» собственного сочинения. Луначарский с трудом прятал улыбку. А через несколько дней он пригласил её в Наркомат просвещения и сказал: «Слушая «Похоронный марш», я понял, что вы обязательно будете писать весёлые стихи». Он долго говорил с ней и написал на листке, какие книги ей следует прочесть. В 1924 году мама окончила хореографическое училище и была принята в балетную труппу. Но труппа эмигрировала. Отец Агнии был против её отъезда, и она осталась в Москве. В 1925 году она принесла в Госиздат свои первые стихи».

– Правда, что её первый муж тоже был поэтом?

Татьяна: «Павел Николаевич Барто был писателем. Они вместе с мамой написали три стихотворения: «Девочка-ревушка», «Девочка чумазая» и «Считалочка». Павел любил и знал природу, записывал голоса птиц, писал рассказы. Мама рано вышла замуж, у них родился сын Гарик (Игорь). Совместная жизнь с Павлом не сложилась, брак оказался недолгим. Со вторым мужем мама познакомилась в компании общих друзей. Андрей Щегляев был инженером-теплоэнергетиком. Он понимал, что стремится к серьёзным отношениям с мамой, но не хотел разрушать семью и уехал в длительную командировку.

Но в разлуке так и не сумел её забыть. Расставшись с Павлом, мама стала женой Щегляева, потом родилась я. Мои родители прожили вместе почти пятьдесят лет. Они очень любили друг друга. В нашей семье никогда не делали различия между детьми: Игорь был ребёнком от первого брака, я — от второго. Никому даже в голову не приходило считать нас не родными. Трудовая жизнь моих родителей тоже сложилась удачно, каждый плодотворно и много работал в своей области: Андрей Владимирович Щегляев — крупный энергетик, профессор; Агния Львовна Барто — детский писатель».

– Хватало ли у неё времени на обычные родительские заботы или все силы уходили на работу?

Татьяна: «Мама работала много, очень много. Это правда. Но и к семье, к близким она относилась очень внимательно. Сильно волновалась, если кто-то задерживался. А когда кто-то из нас серьёзно болел, другие дела отходили на второй план. Всего в шесть месяцев от роду я заболела коклюшем. Мама нашла лучшего врача, привела к нам в дом. Он осмотрел меня и сказал: «Ещё родите. Эта не выживет». Мама не поверила его словам, обратилась к другому специалисту, молодому медику Юлии Фоминичне Домбровской (впоследствии она стала крупней-

шим детским врачом страны). Она меня вылечила. Только сказала маме, чтобы она обязательно отвезла меня в Серебряный Бор, на воздух. В тот период произошел один эпизод, который даёт представление о характере моей матери. Срочно потребовалось достать какое-то лекарство для меня, а в Москве случилась жуткая гололедица — такая, что ходить было совершенно невозможно. Что сделала Агния Львовна? У неё был коричневый спортивный чемоданчик для теннисных принадлежностей (мама любила теннис и прекрасно в него играла). Она взяла этот чемоданчик, вышла на улицу, положила его на землю, легла на него сверху и, отталкиваясь руками и ногами, пустилась в путь. Мама вспоминала, что какой-то мужчина крикнул ей: «Голубушка, возьми меня с собой!» Лекарство она достала. А вообще, если что-то было нужно больному, не обязательно её ребёнку, то она делала всё, что могла, и даже больше».

— А где Вы были во время войны? Вы хорошо должны помнить то время...

Татьяна: «Папу отправили на Урал — обеспечивать электроэнергией заводы. Мама осталась в Москве, а мы с братом, бабушкой и няней уехали сначала в Тамбов, а потом в Свердловск. Бабушка вскоре умерла. Няня, Домна Ивановна, очень близкий, родной человек, член нашей

семьи. Она появилась у нас в доме в 1925 году, когда родился Гарик. Домна Ивановна жила в деревне — может, так всю жизнь там бы и прожила, но её муж ушёл в город на заработки. Кто-то из соседей сказал ей, что он нашёл в городе другую женщину. Домна Ивановна взяла полено и пошла в Москву — искать блудного супруга. Мужа не нашла. Чтобы как-то заработать, стала предлагать свои услуги в помощи по дому. Однажды Домна Ивановна постучалась в нашу дверь и так и осталась навсегда. Все в нашей семье очень её любили и уважали. Она прожила с нами до самой смерти, до 1984 года.

Когда началась война, мама представить себе не могла, что долго уедет из Москвы, очень хотела попасть корреспондентом на фронт. Но получилось так, что она довольно долго пробыла в Свердловске. Выступала на радио, печаталась в газете «Уральский рабочий». Хотела написать стихи о подростках, пришедших из деревень, чтобы работать на оборонных заводах — заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев. Боялась, что не сумеет овладеть этим материалом. Тогда Павел Петрович Бажов посоветовал ей поучиться вместе с ними, получить разряд. Так она и сделала. Разряд токаря получила самый низкий, зато изнутри смогла «овладеть темой».

– Как Вам жилось в Свердловске?

Татьяна: «Мы не голодали по-настоящему, но есть хотелось постоянно. Как-то мама обменяла в деревне своё летнее платье на буханку хлеба... Однажды папа приехал к нам на один или два дня. Они с Домной Ивановной затемно отправились на рынок за картошкой. Когда появилась телега с картошкой, люди бросились и... задавили лошадь.

Хорошо помню свою школу в Свердловске. Я училась во втором классе. Мы писали на газетных полях, потому что не было бумаги. Электрические лампочки считались большим дефицитом: дежурный приносил лампочку из дома, а когда уроки заканчивались, выкручивал её и уносил домой. Ученики, даже самые маленькие, ходили в госпиталь, читали раненым стихи, пели песни. Шили кисеты для махорки, отправляли их красноармейцам на фронт. Гарик поступил в авиационное училище под Свердловском. Но вскоре был отчислен по состоянию здоровья. Лежал в больнице. Мама с большими трудностями доставала лекарства».

– Когда Вы вернулись в Москву?

Татьяна: «В феврале 1943 года. Папу вызвали в столицу, разрешили взять с собой семью. И мама снова стала добиваться командировки на фронт. Наконец в сентябре 1943 года получила предписание

«... отправиться в действующую армию для литературно-творческой работы. Срок командировки — двадцать два дня». Мама читала бойцам стихи, рассказывала, как дети гордятся их героизмом, как мальчики прибавляют себе года, чтобы их взяли работать на военный завод, писала окопные «летучки» о тех, кто отличился.

– Как родилась идея искать детей, потерявшихся во время войны, по воспоминаниям?

Татьяна: «В 1947 году мама написала поэму «Звенигород». Об осиротевших во время войны детях. Многие не знали, откуда они, фамилию часто путали с отчеством, возраст определял врач. Попадали они сначала в детские приемники, потом в детские дома. О них заботились, никогда не называли сиротами, праздновали общий день рождения. Дети часто вспоминали дом, маму... В поэме были такие строчки:

«... Это только Лёлька
Не умеет вспоминать.
Ей три года только».

Один читатель написал Агнии Львовне, что он тоже потерялся трёхлетним, но хорошо помнит, что мама спала в вагоне, а они с братом пили воду на платформе. Налетели фашистские самолёты, поезд тронулся, все побежали к вагонам, брат вскочил на подножку, хотел втащить младшего за собой, но не успел.

Крикнул: «Я приеду!» — и не приехал. Агния Львовна тогда подумала, что старший брат мог бы узнать младшего по его рассказу. Потом одинокая женщина из Караганды написала, что во время войны у неё потерялась восьмилетняя дочь Нина, назвала фамилию, год рождения девочки. Агния Львовна обратилась в отдел розыска, и Нину, которой было уже восемнадцать лет, нашли.

Об этом написали в газетах, и маму стали буквально засыпать письмами с просьбой разыскать родных. Радиостанция «Маяк» дала ей возможность один раз в месяц по 13-м числам вести передачу «Найти человека». В день приходило 150–170 писем. И все длинные, по 15–20 страниц, люди боялись упустить любую подробность, вдруг именно в ней ключ к поиску. Мама старалась найти в письме такое воспоминание, по которому родные могли бы узнать друг друга. Не всегда это удавалось, не все поиски оканчивались удачно, но за девять лет существования передачи воссоединилось 927 семей».

– В повседневной жизни Вы гордо говорили, что Вы дочь Агнии Барто, или скрывали этот факт?

Татьяна: «Я не говорила, что моя мама — писательница Барто, если меня об этом не спрашивали. Так было принято в нашей семье. Считалось, что хвастаться неприлич-

но. Помню, когда меня принимали в комсомол в школе и оказалось, что я не знаю фамилии генерального секретаря компартии какого-то дружественного государства, меня спросили: «Ваши родители грамотные? Есть кому помочь вам внимательно почитать газеты?» Я сказала: «Да, грамотные». И это ведь была правда».

– Я читала, что Агния Львовна крайне внимательно относилась к любым замечаниям, касающимся её стихов...

Татьяна: «Она ценила любое мнение и всегда, написав стихотворение, стремилась сразу прочесть его кому-нибудь. Читала по телефону Кассию, Светлову, Фадееву. Если в доме были родные, читала им. Если пришел монтер, то он слушал. Когда мама прочла мне новое стихотворение «У дороги ирис», я сказала, что строчка напоминает песенку про чибиса. Тогда у стихотворения появился эпиграф: «У дороги чибис».

Она могла даже ночью позвонить кому-то из своих коллег и попросить послушать её новые стихи. Для многих её коллег это было естественно. Известен случай, когда однажды ночью Светлов позвонил своему другу, чтобы почитать новые стихи. В ответ услышал: «Посмотри на часы». Тогда Светлов выдал свою знаменитую фразу: «А я думал, что дружба — понятие круглосуточное».

– Агния Львовна написала много замечательных стихов. У неё была муза — конкретный человек, который её вдохновлял?

Татьяна: «Нет, ей хватало жизненных наблюдений и впечатлений. Она много общалась с детьми, бывала в школах, детских садах и даже в яслях, слушала детские разговоры, изучала детскую психологию, читала детям свои стихи. Если во время её выступления хоть на несколько минут интерес маленьких слушателей ослабевал, она понимала: значит, эти строфы лишние. Мама ведь хотела, чтобы дети знали её стихи наизусть. Иной раз после таких творческих встреч она безжалостно вычёркивала даже хорошие строчки».

– «Наша Таня громко плачет...» — это стихотворение про Вас?

Татьяна: «Легко представить, что про меня, но на самом деле нет. И тому есть документальное подтверждение. Как-то, перебирая мамины бумаги, я обнаружила официальный документ — перечень стихов, написанных до 1946 года. Из него ясно, что «Игрушки» написаны в 1930 году, а я родилась в 1933-м. Могу сказать, что только два произведения навеяны домашними. «Капризные ерши» посвящены моему сыну Владимиру, «Мы не заметили жука...» — дочери Наталье».

– Что помимо поэзии увлекало Агнию Львовну?

Татьяна: «Мама всю жизнь любила балет. По телевизору смотрела фигурное катание, болела за тех, чьи выступления понравились. Хорошо играла в теннис, в молодости даже в соревнованиях участвовала. Прекрасно танцевала. Она рассказывала, что несколько раз на отдыхе в санатории их с папой принимали за нанятых танцоров. Всё, что мама делала, она делала с интересом и азартом. Охотно ездила в командировки. Её интересовали и люди, и традиции других стран. В Исландии ей очень понравился обычай красить камни в яркие цвета. Ведь Исландия — северная страна, и природа там небогата яркими красками — вот люди и добавляют красок около своего жилища».

– С кем Агния Львовна дружила? Кто бывал у Вас в доме?

Татьяна: «Гостей всегда было много, но большинство приходили по делу, мама редко праздновала даже свои дни рождения. Бывали писатели — Корней Иванович Чуковский, Аким, Ирина Петровна Токмакова, Сергей Михалков. С последним они могли и по телефону часами обсуждать проблемы детской литературы, спорить до хрипоты, так как оба были глубоко заинтересованы в её судьбе».

Часто у нас бывала Рина Зелёная, вместе с мамой они написали сценарии к фильмам «Слон и верёвочка» и «Подкидыш». Фаина Георгиевна Раневская как-то сказала маме в шутку: «Я вас ненавижу — не могу выйти на улицу, слышу за спиной: «Муля, не нервируй меня!» Вспоминается такой случай. Однажды Фаина Георгиевна приехала к нам на дачу. Мамы не было, и мы стали её ждать. Расстелили одеяло на траве, и вдруг откуда-то выпрыгнула лягушка. Фаина Георгиевна вскочила и больше уже не садилась. И встречи так и не дождалась. Мама потом спрашивала у меня, кто приезжал: молодая была женщина или старая? Я ответила, что не знаю. Когда мама рассказала Раневской эту историю, та воскликнула: «Какой прелестный ребёнок! Она даже не знает, молодая я или старая!»

– А её встреча с Маяковским – как всё произошло?

Татьяна: «Маяковского мама впервые увидела на даче в Пушкино, откуда она ходила на Акулову гору играть в теннис. Однажды во время игры, уже подняв руку с мячом для подачи, она так и застыла с поднятой ракеткой: за длинным забором ближайшей дачи увидела Маяковского. Она сразу узнала

его — по фотографии. Оказалось, что он здесь живёт. Это была та самая дача Румянцева, где он написал стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Мама не раз наблюдала с теннисной площадки, как Маяковский вышагивает вдоль забора, погруженный в свои мысли. Ей безумно хотелось подойти к нему, но она так и не решилась. Через несколько лет в Москве был впервые устроен праздник детской книги в Сокольниках. Из «взрослых» поэтов на встречу с детьми прибыл только Маяковский. Маме посчастливилось ехать с ним в одной машине. Маяковский был погружен в себя, не разговаривал. И пока мама размышляла, как бы ей поумнее начать разговор, поездка подошла к концу. А поговорить с Маяковским для нее было очень важно, потому что ею овладевали сомнения: не пора ли ей начать писать для взрослых? Получится ли у нее что-нибудь? Но после выступления перед детьми, вдохновленный их реакцией, спускаясь с эстрады, Владимир Владимирович сказал трём молодым поэтессам, среди которых была и мама: «Вот это аудитория! Для них надо писать!» Так все её сомнения были развеяны!»

Е. Помазан